

Шокирующая история Российской империи

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

КТО В РОССИИ
НЕ ВОРУЕТ

КРИМИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ XVIII – XIX ВЕКОВ

Бушков. Шокирующая история Российской империи

Александр Бушков

**Кто в России не ворует.
Криминальная история
XVIII–XIX веков**

«ЭКСМО»

2021

УДК 94(47):343.7
ББК 63.3(2)+67.408

Бушков А. А.

Кто в России не ворует. Криминальная история XVIII–XIX веков
/ А. А. Бушков — «Эксмо», 2021 — (Бушков. Шокирующая
история Российской империи)

ISBN 978-5-04-159348-3

Бушков собрал ошеломляющие факты из истории мира и нашего государства, примеры виртуозного воровского мастерства, с каким совершались хищения, аферы, грабежи, обманы и прочие приемы присвоения чужого имущества. Вместе с тем здесь идет речь не столько о коррумпированных чиновниках, сколько о секретах и способах злодеяний. Масштабы многих неблагоприятных историй просто впечатляющие! Чего только стоит рассказ о дальних родственниках Пушкина, которые нестерпимо желали разбогатеть. Или о графе Семене Зориче, приятели которого печатали фальшивые деньги прямо в его имении... Книга поднимает едва ли не самую актуальную тему – воровство во всех его проявлениях. Автор с горькой иронией подтверждает: воровство было всегда, во всех странах и, по всей видимости, будет до тех пор, пока живет человечество. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47):343.7
ББК 63.3(2)+67.408

ISBN 978-5-04-159348-3

© Бушков А. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава первая. На суше и на море	6
Глава вторая. Деньги портят человека...	16
Глава третья. Сыщики и воры	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Бушков
Кто в России не ворует. Криминальная
история XVIII и XIX веков

© Бушков А.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая. На суше и на море

Итак, XVIII век. Непокойно на суше, непокойно и на море...

Шалости на больших дорогах, естественно, продолжались при любых властях, как власти с ними ни боролись. Рассказывать о них подробно вряд ли есть смысл, очень уж стандартно все происходило: налетели из чащи с посвистом, ободрали до нитки и растворились в лесах. Хорошо еще, если живыми оставили. Поэтому я просто-напросто расскажу о парочке безусловных курьезов, явно выбивавшихся из общей картины.

Петр I в числе других реформ ввел своеобразное женское равноправие. Нашлась помещица, которая однажды явно подумала что-то вроде: «Неужели только мужикам можно? А мы чем хуже?» И, собрав ватагу из своих холопов и разного «гулящего люда», занялась ночными разбоями и грабежами не где-нибудь в Муромских лесах, а в Москве.

В одной из глухих провинций развлекался другой помещик, отставной прапорщик. Именно что развлекался. В глуши всегда скучно, набор развлечений нехитрый, и они быстро приедаются: ну, охота, ну, застолье, ну, крепостные девки в бане... Отставник явно почитывал на досуге книги – в том числе и о шалостях былых европейских «баронов-разбойников». Он со своей ватагой частенько перехватывал на большой дороге купцов – но, в общем, особенно их не грабил, а попросту сажал на цепь у себя в подвале. Причем выкупа, как некогда поступали «бароны-разбойники», никогда не требовал: я же говорю, развлекался человек от скуки. Издевательств не чинил: подержав недельку-другую, отпускал восвояси. Купцы не раз жаловались по начальству на этикие «ролевые игры» – но прапорщик, даром что чин невелик, был не из бедных, связи среди нужных людей в администрации и полиции имел нешуточные, так что жалобщиков отправляли восвояси...

Американские феминистки, яростно борющиеся за «права женщин» так, что доводят эту борьбу до сущего дурдома, должны были, по совести, обзавидоваться. В середине XVIII века, когда их прапрабабушки исправно жарили котлеты, стирали-убирали, смиренно сносили затрещины пришедших в дурном настроении мужей, наши бой-бабы, то есть русские провинциальные помещицы, вытворяли такое, на что не всякий мужчина решился бы...

В Оренбургской губернии вдова титулярного советника Турчанинова, не удовольствовавшись той землей, что ее покойный муж купил у башкир за копейки, уже ничего не платя, взяла да и захватила довольно обширные угодья.

Но это, смело можно сказать, цветочки. Однажды случилась ссора меж соседями: лейб-кампанцем Фрязиным и помещицей Побединской. Фрязин и его сосед прискакали на поле Побединской и принялись лупить работавших там крестьян. Те побежали за подмогой к барыне. Барыня собрала изрядное число своих мужиков и пошла в контратаку на дом Фрязина. Оттуда приближавшуюся ораву обстреляли из ружей. Нисколько этого не испугавшись, Побединская велела своим людям «бить до смерти». Ну, те и рады стараться – убили до смерти и Фрязина, и его соседа...

В 1780 году две помещицы, Ирина Ушакова и Настасья Анненкова, тягались в суде из-за какого-то поместья, которое каждая считала своим. Настасье, должно быть, надоела судебная волокита – она собрала в своих деревнях аж три сотни мужиков, выступила в поход на «змею Иринку», и ее люди полностью опустошили спорное поместье, разнеся там все вдребезги и пополам.

Некий прапорщик Войеков подал жалобу на свою мачеху – та с немалой оравой своих мужиков вторглась к нему в усадьбу. Ее люди убили нескольких крестьян Войекова, а мачеха отняла и увезла немало всякого добра, в том числе документы, доказывавшие права прапорщика на имение. Правды прапорщик так и не доискался – мачехе покровительствовал местный городничий.

Племянница помещицы О. М. Салтыковой вспоминала, что ее тетушка «держала в повиновении и мужа, и детей, и даже весь наш уезд. К ней прибегали за советом и помощью в делах общественных и семейных».

Княгиню Варвару Голицыну отчего-то невзлюбили в московском и петербургском обществе и принимали там скверно. Всерьез комплексовавшая из-за этого княгиня оттягивалась у себя в саратовском имении. Все окрестные помещики у нее ходили по струнке, а она ими командовала, как сержант новобранцами.

Каковы наши бабоньки? Попадись такой под горячую руку... Вот где был настоящий феминизм, а не нынешняя американская бледная немочь...

Очень интересные вещи происходили в Средиземном море после Чесменского сражения, закончившегося для турецкого флота с разгромным счетом. Второй – и последний – раз в истории появляются российские каперы...

Но давайте по порядку. Ситуация сложилась в некоторое подобие цейтнота: на суше у турок было достаточно войск, и потому немногочисленные русские десанты никаких успехов там не добились. По этой же причине не стали штурмовать Стамбул – хотя мысль такая высказывалась.

А вот в Эгейском море полное и решительное превосходство было как раз за русским флотом, которому туркам теперь практически нечего было противопоставить. А потому в 1770 году эскадра Алексея Орлова без боя заняла стратегически расположенный остров Парос, базирясь на котором можно было легко контролировать как южную часть Эгейского моря, так и подступы к Дарданеллам. А заодно за несколько месяцев русские заняли еще двадцать семь островов Архипелага (так тогда называли острова в Эгейском море). Турки никак воспрепятствовать не могли: чтобы высадить на острова более-менее крупные силы, нужно было иметь превосходство или хотя бы равенство сил на море, а откуда оно после Чесмы?

Русские осваивались всерьез: на Паросе построили самое настоящее адмиралтейство, склады с боеприпасами и прочей военной амуницией, даже мраморные особняки для нового русского начальства (одним из начальников был бригадир Ганнибал, сын знаменитого «арапа Петра Великого» и один из предков Пушкина). Из России привезли даже корабельных мастеров – чтобы чинили большие военные корабли и строили всевозможные мелкие суда, парусные и гребные.

С чего начинается любая власть, осваивающая новоприсоединенные территории? Правильно, с налогов. Уже через неделю после высадки на Паросе адмирал Спиридов потребовал у греков все документы тамошнего «налогового ведомства», тщательно их изучил и вскоре объявил, что отныне они будут платить русским «десятину» – часть деньгами, часть вином, хлебом, прочей провизией, а также лесом (эскадра, собственно говоря, должна была жить на самообеспечении, русская казна расходы на ее содержание не потянула бы).

Греки повздыхали (белые придут – грабят, красные придут – грабят...), но деваться было некуда, пришлось платить. Благо не было нужды создавать свою, русскую «налоговую полицию». На островах давным-давно действовал отлаженный аппарат: там имелись как православные, так и католические общины, и их епископы давненько играли при турках роль губернаторов и городничих, судей и сборщиков налогов (турки, люди прагматичные и отнюдь не фанатики, долго и часто использовали «гяуров», как в вышеперечисленных, так и в дипломатических делах). Согласно известному высказыванию не родившегося еще тогда Дэн Сяопина: «Не важно, белого цвета кошка или черного, лишь бы мышей ловила». Так что оставалось лишь собрать всех этих «аппаратчиков» в рясах и поставить перед ними новые задачи – точнее, объяснить, куда теперь заносить.

Сколько налоговых поступлений было официально заприходовано для российской казны, а сколько осело в карманах надзирающих и управляющих, точно неизвестно. Тут уж

каждый волен судить в меру своей испорченности. Однако, зная русские (и не только русские) традиции, смело можно сказать: мимо своего кармана начальство не промахивалось...

Да и при столь обширном строительстве приписок наверняка хватало – опять-таки старая добрая традиция всех времен и народов, должно быть, бытовавшая еще во времена строительства египетских пирамид, а то и раньше. Чтобы на время отвлечься от вульгарного казнокрадства и перейти к высокой поэзии, процитирую-ка я одно из стихотворений Редьярда Киплинга:

Далеко ушли едва ли
мы от тех, что попирали
пяткой ледниковые холмы.
Тот, кто первый лук носил,
всех других поработил –
точно так же, как сегодня мы.
Тот, кто первым в их роду
мамонта убил на льду,
стал хозяином звериных троп.
Он украл чужой челнок,
он сожрал чужой чеснок,
умер – и зацапал лучший гроб.
Так и шло – все шито-крыто.
Жулики и фавориты
ели из казенного корыта.
И секрет, что был зарыт
у подножья пирамид,
только в том и состоит,
что подрядчик, хотя он
уважал весьма закон,
облегчил Хеопса на мильон.
А Иосиф тоже был
жуликом по мере сил –
зря, что ль, провиантом ведал он?
Так что все, что я спою
вам про Индию мою,
тыщу лет не удивляет никого.
Так уж сделан человек:
ныне, присно и вовек
царствует над миром воровство...

А ведь были еще и казенные турецкие деньги и масса имущества, после появления русских оставшиеся бесхозными. Сколько из всего этого попало в казну, а сколько, деликатно выражаясь, казну миновало, уже никогда не определить точно.

Очень скоро обнаружился еще один нешуточный источник доходов: острова были форменным образом набиты всевозможными древнегреческими памятниками искусства: колонны и статуи, «штуки, на коих старинные греческие слова», как писал в отчете один из русских моряков. «Древняя мраморная штука», как их именовал в отчетах адмирал Спиридов, вывозили тысячами пудов.

Справедливости ради нужно отметить, что все это в полном смысле слова было бесхозным. Турки очень долго все эти мраморные древности попросту пережигали на известь. А сами греки, образованием неотягощенные и как-то подзабывшие о былом величии Древней

Эллады, разбивали «древняя мраморная штука» на куски, используя их в строительстве домов и сараев для коз.

Зато русские к тому времени уже неплохо разбирались в «антиках» и понимали, что место им в музее... ну, или в поместье какого-нибудь знатного барина. Еще Петр I однажды провернул не то чтобы аферу, но комбинацию, которую, безусловно, одобрил бы Остап Бендер.

В папских владениях вырыли великолепную древнегреческую статую, явно изображавшую кого-то из богинь. Рук она, правда, лишилась в результате каких-то древних перипетий, но, в общем, сохранность оказалась идеальной. Прослышав об этом, Петр отправил в Ватикан своих посланцев, чтобы купить беломраморную красотку для своей Кунсткамеры. Папа продал отказался: он был человеком образованным, в антиквариате понимал толк, сам коллекционировал древности. Тогда русские сделали изящный ход: заявили, что готовы поменять эту «голую языческую девку» на мощи весьма почитаемой у католиков Святой Бригитты, найденные в каком-то монастыре в Прибалтике. И позаботились, чтобы это известие как можно шире распространилось среди римской «общественности».

Папу форменным образом загнали в угол. Он прекрасно понимал, что статуя представляет собой нешуточную ценность, а вот мощи – сплошь и рядом дело мутное. Еще в Средневековье всевозможные «священные реликвии» подделывали в несметном количестве и торговали ими десятки замурзанных коробейников. Одного из таких великолепно описал Сенкевич в классическом романе «Крестоносцы». Именно такого «коробейника» встречают на дороге главные герои, польские рыцари.

«Чего только у меня нет! Есть у меня копыто того ослика, на котором совершено было бегство в Египет... есть у меня перо из крыла архангела Гавриила, оброненное им во время благовещения... есть масло, в котором язычники хотели изжарить Иоанна Крестителя, и перекладка лестницы, которую видел во сне Иаков (вот эта реликвия меня особенно умиляет. – А. Б.), и слезы Марии Египетской, и немного ржавчины с ключей святого Петра...»

Папы римские уже тогда посылали епископам грозные указы: ловить этаких вот торговцев и, если у них не окажется оформленных надлежащим образом разрешений, судить. Ловили. Судили. Но торговцев «реликвиями» меньше не становилось...

Одним словом, папа крепенько сомневался в подлинности мошей. Но положение у него было безвыходное: прослышавшие о мощах и предложенной русскими сделке римские широкие массы, в отличие от папы, как раз не склонны были делать выбор в пользу «голой языческой девки». О папе и без того давненько уж судачили ортодоксы во всех слоях общества, что он чересчур уж увлекается «языческой поганью» в ущерб святой христианской вере. А бунты римлян против римских пап были старой доброй традицией Вечного Города – иных, случалось, и до смерти убивали...

В общем, делать было нечего. Папа (безусловно, тоскливо вздыхая) поменялся...

Вернемся в Архипелаг. Все, кто имел к тому возможность, набивали карманы, насколько получалось. Никак нельзя сказать, что это было проявлением чисто российского греха: в те незатейливые времена так себя вели практически все, от солдат до полководцев. Примерно в то же самое время англичане методично завоевывали одно за другим большие и маленькие государства, на которые тогда была разделена Индия, – и те, кому удалось первым ворваться в богатую сокровищницу того или иного махараджи, себя не забывали: опять-таки от солдата до генерала. Знаменитый британский генерал Клайв однажды предстал у себя дома перед парламентариями. Боже упаси, ни о каком расследовании речь не шла: джентльмены вежливо спрашивали джентльмена, как ему живется-служится в Индии и сколько правды в доходящих в Лондон разных интересных слухах о тамошних шалостях, в том числе и сэра Клайва. Клайв с доброй улыбкой ответил:

– Вы знаете, господа, что до меня, я поражаюсь собственной умеренности...

Самое забавное, что он не так уж и кривил душой: за время своей бурной деятельности в Индии «накопил» всего-то несколько сотен тысяч фунтов стерлингов и кое-какие земли. Некоторые его собратья по ремеслу «накопили» и побольше...

И наконец, в те времена просто-напросто не существовало ни писаных законов, ни международных соглашений, где было бы прописано такое преступление, как «мародерство». Первое такое соглашение, где «военными трофеями» предлагалось отныне считать только то, что имело отношение к войне, а имущество частных лиц объявлялось неприкосновенным, было заключено только в 1785 году – что чуточку забавно, меж Соединенными Штатами и Пруссией, которые все равно воевать меж собой не могли по чисто техническим причинам.

Так что случались всякие забавные коллизии. Голландский морской офицер граф фон Кринен пошел на русскую службу и добился назначения в Архипелажную эскадру исключительно для того, чтобы, как он сам говорил открыто, приобрести там «кое-что на память».

И приобрел – три внушительных чемодана. Нужно упомянуть, что граф был не заурядным искателем добычи, а человеком с некоторыми духовными потребностями. Он потратил немало времени и сил, разыскивая на острове Иос могилу Гомера (по каким-то своим соображениям считая, что она находится именно там). Месяц вкалывали в поте лица нанятые графом землекопы. Античных погребений откопали целых три. Одно из них граф и объявил торжественно могилой Гомера (правда, непонятно, на основании каких выводов – надгробной доски с именем не имелось). В каком-то убеждении оставался до самой смерти.

Где же каперы, спросите вы? А вот они, числом не менее пятисот кораблей. На сей раз – греки, увидевшие для себя в сложившейся ситуации неплохие возможности.

Русский флот прочно держал Архипелаг, а вот суша оставалась в руках турок – и Балканы, и побережье Средиземного моря чуть ли не до Гибралтарского пролива. У военных – свои заботы, а у купцов – свои. Поэтому по всему Средиземью самым активным образом плавали многочисленные «торговцы», во всех направлениях. Ну, а где морские торговые пути, там и, соответственно, те, кто совершенно безыдейно купцов грабит...

Греческие каперы четко делились на три категории. Одних капитанов совершенно официально принимали на русскую службу, даже выдавали им патенты на офицерские чины, включали их корабли в списки Архипелажной эскадры – и на морскую охоту эти лихие ребята выходили под российским Андреевским флагом (естественно, «отстегивая» потом кому следует).

Другие действовали, если можно так выразиться, совершенно неофициально. Они просто-напросто объявляли, что «считают себя российскими каперами», – и тоже, уже самовольно, поднимали Андреевский флаг. Русское начальство смотрело на них сквозь пальцы, порой подбрасывая деньги, продовольствие и боеприпасы – как когда-то русские цари казакам. (Надо полагать, эти «джентльмены удачи» тоже не забывали «отстегивать» за хорошее отношение.)

И наконец, были еще этикие своеобразные «махновцы» – они сплошь и рядом не имели с русским командованием никаких дел, «отстегивали» редко и нерегулярно – но опять-таки ходили под Андреевским флагом. На них тоже, в общем, смотрели сквозь пальцы: что турецких басурманов жалеть?

Как и полагается в таких делах, командование Архипелажной эскадры старательно притворялось, что знать ничего не знает ни о каких греческих мореплавателях (бравших на абордаж не только турецкие суда, но и «нейтралов»). Но первые две категории продолжали потихоньку «крышевать». Польза была не только в «откатах» – по приказу Алексея Орлова греки приводили на Парос самые большие и быстроходные захваченные ими турецкие корабли, а уж там русские корабельщики перестраивали их в боевые фрегаты.

(Между прочим, и русские были не без греха – порой их корабли брали на абордаж и турок, и «нейтралов», вообще не поднимая флага. В тамошней неразберихе многое сходило с рук.)

То, чем занимались греческие каперы всех мастей, было, нужно уточнить, довольно опасным предприятием. Потому что конкурентов хватало. Несколько столетий на Средиземном море повсюду разбойничали египетские, алжирские, тунисские, берберийские пираты, работавшие исключительно на свой карман (кстати, среди них хватало и европейских искателей удачи, бежавших к османам и принявших ислам). Эти тоже, в общем, не делали особого различия меж единоверцами и «гяурами» – разве что, согласно той самой исламской традиции, взятых в плен единоверцев в рабство не продавали. Они представляли такую силу, что еще в середине XVIII века частенько устраивали набеги на побережье Испании и Италии. Даже в середине XIX века за этой буйной компанией гонялись по всему Средиземью военные флоты европейских государств.

Так что точных данных у меня нет, но, по логике событий, эта плававшая под зеленым флагом публика просто не могла не видеть в греках конкурентов – а потому наверняка не раз случались лихие морские баталии, опять-таки без всякой религиозной подоплеки...

Именно тогда, как я мельком упоминал, и пересеклись ненароком пути двух участников Чесменской битвы: Алексея Орлова и турецкого капудан-паши Гассан-бея. Осенью 1770 года греческие каперы преподнесли Орлову весьма необычный «откат»: семнадцатилетнюю турецкую красавицу, плывшую в Стамбул на очередном «турецком «купце».

Уж не знаю, как поступали бравые греческие парни с пленницами «из простых» (есть у меня кое-какие циничные подозрения, но их к делу не подошьешь). Однако девушка была не из простых. Очень даже не из простых – дочь того самого капудана Гасмана-паши. Такие сюжеты встречаются не только в приключенческих романах, но и в жизни.

Вообще-то в те незатейливые времена никто бы Орлову и выговор без занесения в личное дело не объявил, начни он учить пленную турецкую красотку кое-каким русским ухваткам. Речь, в конце концов, шла не о дочери европейского адмирала, а о чистой воды «басурманке». Каковые и сто лет спустя считались законной военной добычей. Те, кто читал великий роман Шолохова «Тихий Дон», должны помнить: дед главного героя, участник русско-турецкой войны 1877–1878 годов, преспокойным образом привез с войны в качестве трофея турчанку (правда, окрестил ее в православие и законным образом обвенчался).

Однако Алехан проявил себя настоящим рыцарем: строго-настрого запретил своим офицерам совать нос в каюту к пленнице (в чем подавал пример), а при первой okazji отослал девушку к отцу в Стамбул, подарив на прощанье перстень с бриллиантом. Гассан-бей поблагодарил его в письме со всей возможной восточной цветистостью, а к письму присовокупил нескольких великолепных арабских скакунов (видимо, слава графа как заядлого лошадиника докатилась и до Турции). Такие вот случались исторические перипетии...

В 1774 году, после заключения мирного договора с турками, русская эскадра из Архипелага ушла. На прощанье собрав на многих островах «контрибуцию» для государственных нужд – скотом, зерном и лесом для кораблей. А для личных... Подозреваю, на прощанье тащили все, что не прибито и не приколочено.

Конечно, по возвращении домой и адмиралы, и капитаны написали финансовые отчеты за эти четыре года. Но их просто-напросто отправили в архивы соответствующих ведомств, никогда не проверяли ни разу, ревизий не проводили. Так что для истории навсегда останется неизвестным, на сколько именно обогатились все, кто имел к тому возможность. Ясно лишь, что хапнуто было очень даже немало...

В царствование Екатерины II в истории отметился первый – да так и оставшийся единственным – русский морской пират. Правда, происхождения абсолютно нерусского.

Чистокровный поляк Мауриций Август Беньовский, граф (настоящий, без дураков), ввязался в очередную шляхетскую заварушку, воевал против русских, в 1769 году был взят в плен и по некотором размышлении отправлен на Камчатку. Никким образом не на каторгу, как кто-то может подумать (ее там и не было). По тому же принципу, что действовал уже сто с лишним

лет: и военнопленных, и уголовных преступников отправляли за Урал на вольное поселение – чтобы Сибирь и Дальний Восток прирастали народом. Кадровый голод в тех местах был дичайший. О Никифоре Черниговском, вместо смертной казни за убийство получившем пост воеводы Албазинского острога, я уже писал. Есть не менее увлекательные примеры. Федор Иванович Соймонов, русский военный моряк, картограф, математик и навигатор, в свое время из-за чего-то взялся враждовать с Бироном¹. Бирон пробил ему смертную казнь, но Анна Иоанновна приговор смягчила, велела лишь вырезать ноздри и сослать в Охотск, в те времена прямо-таки край света. Позже, уже при Елизавете, Соймонов шесть лет был губернатором Сибири. Зная нравы эпохи, смело можно предположить: никто из подчиненных и не удивлялся, что обширной губернией управляет бывший каторжник, да еще с вырванными ноздрями: ну, мало как судьба человека повернется...

Должно быть, те, кто решал судьбу Беньовского, рассуждали опять-таки чисто прагматически: человек образованный, языки знает, смотришь, какая-нибудь польза и получится.

Пользы не получилось никакой. Свободолюбивый граф с самого начала взялся строить планы побега. Сушей с Камчатки бежать в те времена было предприятием практически невозможным, тем более в одиночку. А вот морем... Должно быть, у графа все же имелись незаурядные организаторские способности. В короткое время он составил заговор, в который вовлек аж семьдесят человек (таких же, как сам, ссыльных поляков, но большей частью русских, которым Камчатка тоже осточертела настолько, что они готовы были отправиться хоть к черту на рога). Все было отнюдь не по-детски: для пущей надежности граф втерся в доверие к местному начальнику Нилову и даже самым законным образом женился на его дочери. Потом эта компания убила Нилова и захватила стоявший в порту городишка Большерецка галиот – средних размеров военное судно, вооруженное несколькими пушками. И преспокойным образом ушла в открытое море.

Должно быть, среди заговорщиков были и профессиональные моряки: галиот добрался до Индийского океана, где какое-то время пиратствовал, благо торговых кораблей из Индии в Европу и обратно плавало немало, большей частью без военного конвоя, да и индусы попадались.

Сколотив кое-какой стартовый капитал, компания осела на острове Мадагаскар, до которого в то время еще не дотянулись цепкие руки тогдашних «великих держав» (кстати, в свое время планы колонизации Мадагаскара – ну вот зачем он ему? – лелеял еще Петр I и даже отправил туда два военных корабля, но они, скверно построенные из сырого леса, дальше Балтики не уплыли). Там Беньовский, по некоторым сведениям, тоже немного попиратствовал. Еще в школе, в советские времена, я листал какую-то детскую книжку. Имени автора уже не упомяну, но он был безусловным романтиком и сочинил, будто Беньовский якобы собирался устроить на Мадагаскаре «Государство Солнца» – этакую вольную республику вольных людей.

Увы, исторической правде это нисколько не соответствует. На Мадагаскаре, должно быть, было не менее скучно, чем на Камчатке, – и граф решил двинуть в большую политику. Поехал в Париж и предложил там план завоевания и полной колонизации Мадагаскара (во главе с самим собой, понятно, если подкинут войска и золото). Французы по каким-то своим причинам отказались – хотя Мадагаскар уже в те времена идеально подходил на роль военно-морской базы, с которой можно было контролировать морские трассы, ведущие с Дальнего Востока и из Индии в Европу. Вернувшись несолоно хлебавши, Беньовский как-то так устроил, что местные туземцы выбрали его королем Мадагаскара, самым настоящим. Чем уж он их так обаял, не знаю.

Очень уж живая и непоседливая была натура... Через какое-то время Беньовский вновь заскучал (Мадагаскарский король – должность все же не особенно glamorous), снова подался в

¹ Как я уточнил уже после написания книги, проходил по «делу Волинского».

Европу, служил у австрийцев, а потом вдруг оказался руководителем английской военной экспедиции на Мадагаскар (вероятнее всего, англичане мыслили стратегически шире, чем французы). Тут уж забеспокоился Париж – англичане как раз к тому времени оттяпали у французов колонии в Северной Америке и вытеснили из Индии. Просто необходимо было сделать в ответ какую-нибудь пакость, желательно крупную...

Французы послали корабли с десантом. Довольно быстро разбили английский отряд и примкнувших к нему «подданных» (снова сбежавших к своему королю), и в одной из стычек Беньовский погиб.

Одним словом, личность ничем особенным не примечательная, но все же довольно экзотическая, потому и упомянута...

А теперь... Прежде чем перейти к обстоятельному рассказу о фальшивомонетчиках былых времен, сделаем кратенькую интермедию: мимоходом расскажем о том, как в XVIII веке боролись с проституцией. К тому времени это предосудительное (но доходное) ремесло уже давно лишилось былой патриархальности – когда гулящие девки с бирюзовым колечком во рту стояли на Красной площади. И здесь понемногу стали перенимать европейские традиции: создавать «веселые дома», то бишь бордели. Считайте меня циником, но есть стойкое убеждение, что изрядное число экземпляров мужского пола этикие европейские нововведения приняло без всякого осуждения, вовсе даже наоборот. Удобно, комфортно, безопасно... Что еще нужно любителям «клубнички»?

Первый блин, правда, вышел комом. В первые годы царствования Елизаветы в Петербурге появилась особа, известная впоследствии по прозвищу Дрезденша (поскольку происходила из немецкого Дрездена). Старательно приобщая Россию к европейскому прогрессу, она сняла богатый дом на Вознесенской улице и принялась устраивать так называемые «вечерницы», куда рядами и колоннами стекались любители красивой жизни и платной любви. Что интересно, в качестве «персонала» там обретались не только профессионалки. Хватало и вполне добропорядочных замужних дамочек из «приличных», искавших развлечений на стороне, – подобно героине знаменитого фильма Луиса Бунюэля «Дневная красавица». Немало было и незамужних девиц, сплошь и рядом опять-таки из благородных семейств: одни просто искали приключений, другие были не прочь еще и разжиться недешевыми подарочками (ситуация с юными красотками, не обремененными особыми моральными устоями и пожилыми денежными «папиками», родилась не сегодня и даже не позавчера). Так что, строго говоря, заведение Дрезденши борделем называть не стоит – бордель обычно укомплектован на сто процентов именно что профессионалками. В данном случае уместно будет наименовать особняк на Вознесенской домом свиданий.

Как там заведение ни называй, а оно какое-то время процветало и пользовалось большой популярностью, практически в открытую, ничуть не маскируясь под какую-нибудь школу танцев или иной очаг культуры. Что его и сгубило. Довольно быстро о нем узнала императрица Елизавета.

И грянул гром...

Как написал позже один из историков, Елизавета свет Петровна «гордилась некоторой строгостью в вопросах нравственности». Что исторической правде, в общем, соответствует. Саму Елизавету, правда, никак нельзя назвать образцом высокой морали – но, с другой стороны, если судить по меркам «галантного века», когда мужу или жене «из общества» считалось прямо-таки неприличным не иметь симпатии на стороне, а уж незамужние развлекались на всю катушку... Смело можно признать, что число любовников Елизаветы где-то даже и недотягивает до некоей «средней нормы». На фоне княгини Елены Куракиной, по отзывам современников, самой красивой и самой беспутной придворной дамы, Елизавета, честное слово, выглядит форменной монашкой.

Так что с «излишествами нехорошими разными» она боролась энергично. И порой в полном смысле слова собственноручно. Когда однажды одну из ее фрейлин, совсем молоденькую, застукали в постели с бравым гвардейцем, Елизавета юную проказницу выпорола собственноручно, словно строгая мамаша, а потом велела немедленно обвенчать с «виновником торжества». Что и было незамедлительно исполнено. Оказался ли этот брак счастливым, истории неизвестно. Отказалась ли новобрачная от прежних шалостей, опять-таки неизвестно – однако я, старый циник, подозреваю, что нет.

В общем, гром грянул. Саму Дрезденшу моментально выслали на историческую родину. Иных «папиков», застуканных с теми самыми благородными, но легкомысленными девицами, точно так же было велено немедленно обвенчать в том случае, если «папики» холостякуют (между прочим, среди них оказалось немало высокопоставленных чиновников и даже профессоров – и ученым мужам тоже ничто человеческое не чуждо).

Елизавета всерьез взялась за «бляжьих жонок» (эстетам просьба не морщиться – это официальный термин того времени, встречавшийся не только в полицейских бумагах, но и в именных указах императрицы. В те времена люди ничуть не стеснялись называть многие вещи своими именами, обходясь без красивых этикеток «путана» или «киллер»). Попавшихся на горячем профессионалок били кнутом, ссылали на работу в монастырь лет на несколько – а тех, у кого доктора обнаруживали венерические болезни, за казенный счет отправляли в один из далеких сибирских острогов (были ли тамошние обитатели рады такому наплыву «девочек-венерочек» или наоборот, история опять-таки умалчивает...)

Елизавета даже учредила в Петербурге особую «строгую комиссию», своего рода «полицию нравов» – но преследовавшую не проституток, а исключительно нарушителей супружеской верности (с соответствующими эпохе невеселыми наказаниями). Опять-таки в пользу Елизаветы можно сказать, что сама она с женатыми никогда, гм, не дружила. Ходили даже (и по сей час ходят) устойчивые слухи о ее тайном венчании с Алексеем Разумовским, но точных доказательств нет и уже не будет.

Однако нельзя не уточнить, что борьба Елизаветы как с «непотребными жонками», так и с другими распространенными пороками частенько была весьма непоследовательной. На то, что происходило в ее дворцах, она закрывала глаза – а происходило там много интересного, «Плейбой» обзавидует. Помянутая юная фрейлина была выпорота и силком выдана замуж отнюдь не за сам факт постельных развлечений. Просто-напросто Елизавета полагала, что эта соплушка молода еще для таких забав. Те, кто был постарше, преспокойно и регулярно занимались тем же самым без всяких для себя последствий. Одним словом, то, что самым крутым образом преследовалось во «внешнем мире», процветало в императорских дворцах.

Точно так же, кстати, обстояло и с азартными играми. В 1761 году Елизавета издала очередной именной указ, которым под страхом крупных штрафов запрещала карточную игру на деньги по всей территории Российской империи – но с детским прямо-таки простодушием вписала уточнение: запрет этот не касается императорского двора. Любила «матушка» перекинуться в картишки, да с азартными ставками. Такой вот получался двойной стандарт, в полном соответствии с древнеримской пословицей о быке и Юпитере.

Результаты оказались именно такими, каких следовало ожидать. Еще нигде и никогда, какие бы драконовские меры ни применялись, не удавалось извести напрочь ни проституцию, ни азартные игры. Еще и оттого, что в обоих случаях всегда присутствуют две заинтересованные стороны (а то и несколько). Что в полной мере касается и супружеских измен: бывали времена и страны, когда муж, застав жену на месте преступления со своим дублером, имел законное право обоих тут же прикончить – но если количество неверных жен от этого и снижалось, то не особенно...

Одним словом, проститутки никуда не делись, разве что стали работать в условиях более строгой конспирации, не светясь так, как неосторожная Дрезденша, и наверняка подняли

тарифы, ссылаясь на риск. То же самое произошло и с игорными домами – они попросту «ушли в подполье». Ну, и неверные супруги обоего пола усилили конспирацию. «Под раздачу» попадали обычно те, кто не соблюдал предосторожностей, – вроде некоей вдовы Носовой, у которой в 1745 году именным указом Елизаветы конфисковали ее имения «за беспутную жизнь». Плохо конспирировалась, должно быть, веселая вдова...

При Екатерине еще какое-то время продолжали ссылать «венерочек» в тот самый острог. Зато и чисто публичные дома, и «дома свиданий» расцвели во множестве, не особенно и старательно замаскированные под всевозможные модные лавки, швейные мастерские и тому подобные заведения. Чтобы успокоить чувства иных возмущенных патриотов, буде таковые найдутся, спешу доложить: содержали их в основном не русские, а большей частью француженки с примесью некоторого количества немок. Ну да, ну да, и эту заразу занесли на Святую Русь развратные иноземцы (точнее, иноземки, а как же иначе?).

Специально содержательниц этих слегка замаскированных под гламур притонов, в общем, не преследовали. Хотя, конечно, отдельные кампании случались. Но, как оно всегда с кампаниями и бывает, после их окончания все возвращалось в прежнее состояние. Что до игорных домов, они при Екатерине стали действовать вполне легально – умнейшая все же была женщина, прекрасно понимала, что иные пороки неискоренимы. Единственной опасностью для игрока было напороться на шулера – но традиции на сей счет давно были отработаны, изобличенного шулера старательно охаживали подсвечниками, то бишь канделябрами, – а они тогда отливались исключительно из металла и весили немало...

Ну, а теперь, как я и обещал, перейдем к фальшивомонетчикам.

Глава вторая. Деньги портят человека...

«Деньги портят человека, и тогда человек портит деньги». Эта пословица давным-давно сложена именно о фальшивомонетчиках, процветающих до сих пор. И это малопочтенное ремесло вовсе не собирается вымирать, как уже случалось с некоторыми другими, вымершими по чисто техническим причинам. Простой пример: как только в европейской мужской одежде появились карманы, прямо-таки автоматически во Франции исчезли «срезатели кошельков», а в России «мошенники», аналогичные им, – теперь просто нечего было срезать. Правда, исчезли только сами ремесла – а криминальный народ наверняка честным трудом не занялся, попросту переквалифицировался – в тех же карманных воров. Иные «профессии» исчезли с усилением полиции: взять хотя бы грабителей поездов в США и «романтиков с большой дороги» во многих других странах.

Порой случается и так, что преступления исчезли, а пережившие свое время законы остались. Не раз попадались печатные издевки над «глупыми», с точки зрения авторов, иными американскими законами. К примеру, в штате Теннесси до сих пор уголовным преступлением считается, если человек попадет с пассатижами в кармане – не просто плоскогубцами, а теми, что снабжены кусачками.

Так и подмывает воскликнуть вслед за Задорновым: «Ну, ту-упые!», правда?

Не торопитесь. Закон этот не глупый, а всего-навсего изрядно устаревший, но в свое время сыграл немалую роль в борьбе с одним из видов преступлений.

Во второй половине XIX века Теннесси был в первую очередь скотоводческим штатом, и табуны коров по пастбищам гуляли огромные. Как легко догадаться, нешуточный размах приняло скотокрадство, и шаек развелось просто несметное количество. Угнав стадо коров, его либо быстренько продавали на мясо, либо «перебивали» клеймо на шкуре, ставя свое, – после чего владельцу бывало трудновато доказать, что это его собственная, злодейски похищенная скотина.

Далеко не все пасущиеся табуны находились под постоянным присмотром ковбоев (к слову, заматанных жизнью работяг, ничуть не похожих на увешанных кольтами героев вестернов). Очень часто применяли другой способ: обширные пастбища огораживали высокой проволочной изгородью, и скотинка там паслась сама по себе. Так что технология была проста: подъехав к изгороди, brave парни быстренько перекусывали ее пассатижами, проделав достаточно широкий проем, выгоняли стадо и улепетывали с добычей на всей возможной скорости.

Так что, если тогдашнему шерифу попался субъект с пассатижами в кармане, девяносто девять процентов из ста, что это был не мирный фермер, а именно что член шайки скотокрадов. Оставалось вдумчиво взять его в работу: выяснить, кто таков, с кем водится, и вообще, есть ли у него алиби на прошлый вторник, когда неизвестные злоумышленники угнали с пастбища старины Гарри с полсотни буренушек... Понемногу скотокрадство сошло на нет, а вот закон по каким-то своим причинам отменить попросту забыли...

Но вернемся к фальшивомонетчикам, столь же ударными темпами трудившимся и в XVIII столетии. Благо нравы стали чуточку более гуманными, тем, кто пытался конкурировать с государством в выпуске денег, уже не заливали в глотку расплавленный металл и их не варили заживо в кипящем масле (наказания, правда, оставались достаточно суровыми, но кого это останавливало? В который раз можно помянуть, что каждый считает себя самым хитрым и надеется, что уж он-то не попадет).

И еще один интересный нюанс: XVIII век в силу самых разных причин породил новые, неизвестные прежде мотивы и методы подделки денег. Порой речь шла даже не о собственной выгоде, а прямо-таки государственных потребностях. Именно так и обстояло...

Еще в 30-е годы XX века в Вятской области при археологических раскопках было найдено некоторое количество монет Ромейской (то есть Византийской) империи VI–XII веков после Р. Х. До этого никто и не предполагал, что торговые связи наших предков с Византией уходят в такую древность. Оживившиеся историки сразу стали выдвигать версии: уж не существовало ли, вопреки прежней точке зрения, на территории Вятки (тогда еще Кирова) оставшегося до поры до времени вне поля зрения историков обширного поселения века этак IX–XII, имевшего связи с Византией? Не исключено, что самые проворные (как в таких случаях частенько бывает) уже начали думать о диссертациях...

Увы, сенсация лопнула очень скоро. Один из самых известных историков того времени неопровержимо доказал, что «древние» монеты – новодел гораздо более поздних времен, XVIII века. Казалось бы, какой смысл подделывать монеты, сотни лет как вышедшие из обращения?

Оказалось, смысл был. Можно сказать, идеологический. На этих монетах был изображен четырехконечный крест, и использовали их православные священники в качестве «наглядной агитации» среди старообрядцев. Те продолжали почитать исключительно восьмиконечный крест, с их точки зрения единственно правильный, несмотря на «богомерзкие Никоновы реформы», в числе прочего учредившие и крест четырехконечный. Вот священники-«агитаторы» и пытались упрямым образом доказать, что те заблуждаются, что четырехконечный крест еще в седой древности почитался в Византии... Никакой личной выгоды, сплошная идеология...

Забегая вперед, можно упомянуть, что в первой половине XIX века старообрядцы некоторым образом взяли реванш. Именно они стали подделывать тогдашние русские деньги (и некоторые наверняка подводили под свои труды опять-таки идеологическую базу: они не вульгарной уголовщиной занимаются, а борются таким образом с «антихристовым» государством). Особенно большое развитие этот промысел получил в селе Гуслицы – так что частенько «фальшаки» в России так и назывались: «гуслицкие деньги». Продержался этот промысел очень долго: у старообрядцев был большой опыт «подпольной работы»...

Вернемся в XVIII век. Одна из самых интересных загадок екатерининского времени, не подтвержденная и не опровергнутая до сих пор, – стойкая и получившая большое распространение народная молва, обвинявшая уральского «некоронованного короля» Демидова в том, что он в своих потайных мастерских в массовом порядке чеканил серебряные рублевки (правда, ничуть не уступавшие государственным по весу и пробе металла). Якобы ему так было гораздо выгоднее, нежели просто сдавать в казну добытое серебро.

Самое распространенное предание гласит, что однажды, играя с Акинфием Демидовым в карты, Екатерина, придвинув к себе кучку отыгранных рублей, спросила вкрадчиво:

– Чьей работы, моей или твоей?

Демидов, по легенде, смиренно ответил:

– Все твое, матушка, – и мы твои, и работа наша твоя...

Есть и другой вариант легенды (сочиненный явно кем-то более простодушным): «Сел однажды Акинфей играть с матушкой-царицей в карты и проигрался до нитки. Вскочил он тогда и побежал куда-то в подземелье. И приносит пригоршню новехоньких рублевиков, сверкающих, тепленьких еще...»

Вряд ли и первый и особенно второй «сказ» похожи на правду: ну кто бы на месте ох как неглупого горнозаводчика стал так подставляться? Ходит и вовсе уж жутковатая легенда (нашедшая в свое время отражение в фильме «Петр Первый»): что в тайных подземельях знаменитой Невьянской башни как раз и располагались мастерские, где прикованные цепями к стене чеканщики плавил серебро и били монету. А когда нагрянула очередная ревизия, Демидов хладнокровно распорядился открыть шлюзы и утопил всех, кто был в подземельях...

Невьянск был неофициальной столицей демидовского «царства». Невьянская башня стоит и сейчас. Что любопытно, она, подобно знаменитой Пизанской, имеет значительное отклонение от вертикали – у вершины достигающее двух с половиной метров. По этому поводу, кстати, тоже ходили разнообразные версии. Согласно самой прозаической, с одной стороны попросту со временем просел грунт, вот башня и покосилась. Другие считали, что Демидов (бывавший в Италии) специально построил свою башню на манер Пизанской. Третьи, наиболее мистически настроенные, уверяли, будто башня «покосилась от злодеяний демидовских».

Как бы там ни было, с Невьянской башней до сих пор связаны неразгаданные загадки. Она никогда не служила «производственным помещением», оставалась чисто резиденцией Демидова. Еще в конце 70-х годов XX столетия уральские ученые с помощью геофизических приборов обнаружили под башней обширные подземелья, залитые водой. Исследовать их тогда оказалось очень сложным делом, и понемногу заниматься этим перестали.

Чуть позже кандидат геолого-минералогических наук Лясик взялся исследовать дымоход Невьянской башни – и собрал там старую, спекшуюся до каменного состояния сажу демидовских времен. Анализ показал ненормально высокое содержание серебра, что доказывает: как бы там ни было, а серебро в подземельях башни некогда все же плавил. Но никто всерьез за эту загадку не брался до сих пор...

Во второй половине XVIII века в России, с некоторым отставанием от Европы, озаботились производством бумажных денег. Проблемы тут были насквозь практические. Еще со времен Петра I Россия вела почти непрерывные войны: Северная война со шведами, затянувшаяся почти на двадцать лет, крымские кампании, действия русских войск в Польше, восемь русско-турецких войн. Русская казна сплошь и рядом пустовала. И уже тогда стали понимать, что пополнить ее можно с помощью печатного станка.

Были и другие причины, к войне уже не имевшие никакого отношения. Подати с «простого народа» собирали медной монетой, и не самой крупной – откуда у крестьян серебро? Для перевозки примерно 500 рублей медной мелочью требовалась целая телега – а сколько таких телег тащилось по России? Наконец, и людям богатым металлическая монета доставляла серьезные неудобства – мало-мальски солидная покупка (скажем, имение или особняк) опять-таки требовала пусть и не телеги, но весьма увесистого мешка с серебром или золотом.

Бумажные деньги собирались выпустить еще при Елизавете, но тут она умерла, у Петра III были более важные дела, а там он и вовсе скончался от апоплексического удара подсвечником, какое-то время Екатерина была занята в первую очередь тем, чтобы удержаться на троне...

Только в 1768 году гофмаршал и действительный камергер двора К. Е. Сиверс подал Екатерине обширную докладную записку о выгоде хождения бумажных денег. Должно быть, составленную толково и убедительно: уже в декабре того же года Екатерина выпустила манифест об учреждении в Санкт-Петербурге и Москве Ассигнационных банков (новые бумажные деньги на польский манер называли «ассигнации»).

Продумано все было достаточно грамотно. Выпуск бумажных денег не должен был превышать «страховых сумм» в серебре и меди, хранившихся в Ассигнационных банках. Вот только меняли ассигнации, пусть и без ограничения суммы, исключительно на медные деньги, и вывоз ассигнаций за границу был запрещен, то есть они с самого начала стали неконвертируемыми.

(Кстати, граф Сиверс не забыл и себя, любимого: добился привилегии выпускать бумагу для ассигнаций только на принадлежавшей ему Красносельской бумажной фабрике. За лист бумаги, на которой печаталось несколько ассигнаций, Сенат платил ему по две копейки – не бог весть какие большие деньги, но речь ведь шла о массовых тиражах...)

Ассигнации выпускались достоинством в 25, 50, 75 и 100 рублей. Сторублевки, если что, имели, в общем, неплохую для того времени степень защиты.

(Кстати, совершеннейшая легенда, будто на этих сторублевках сразу появился портрет Екатерины. Лет сто русские ассигнации (несколько раз переименовывавшиеся) выпускались без всяких портретов. Только во второй половине XIX века на государственных кредитных билетах, как они к тому времени звались, появились портреты Дмитрия Донского, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича Романовых, Петра I и Екатерины II. Вот тогда сторублевки и стали в просторечии зваться «катеньками», «катеринками».)

Что касается ассигнаций более низкого достоинства – с ними все обстояло гораздо хуже. Например, двадцатипятирублевка. Год выпуска смущать не должен – именно в таком виде они выпускались со времен Екатерины до 1818 года. А самое главное – 75-рублевая ассигнация в точности повторяла двадцатипятирублевую, разница только в словах «двадцать» и «семьдесят» и цифрах «2» и «7».

Теперь задачка на сообразительность: сколько времени потребуется народушку известного пошиба, чтобы сообразить, как можно использовать такое сходство в свою пользу?

Неполных два года, господи мои!

Так уж сложилось, что имена авторов весьма полезных для человечества изобретений навсегда канули в историческую безвестность: мы, например, никогда уже не узнаем, кто был изобретателем механических часов (версий много, но ни одной серьезно аргументированной). Зато благодаря сохранившимся следственным делам былых времен мы сплошь и рядом прекрасно знаем, с позволения сказать, авторов тех или иных криминальных новшеств, и не только в истории России...

В общем, уже в 1771 году «творческой переделкой» двадцатипятирублевок занялись два субъекта достаточно простого звания – канцелярист Николаев и сержант Шулепин. Обладая кое-какими познаниями в прикладной химии, они попросту вытравляли с помощью какого-то средства «двадцать» и «2», меняя их на «семьдесят» и «7». (Тут-то, должно быть, и пригодилось мастерство канцеляриста.)

Развлекались они, впрочем, недолго: к тому времени, когда обоих повязали, выяснилось, что изнахратить они успели не так уж и много, всего 90 ассигнаций. Оба моментально заработали себе клеймо на лоб, кнут и вечную каторгу – но, поскольку дурацкое дело нехитрое, у них очень быстро появились последователи. Работавшие, правда, на коленке, кустарнейшим образом.

Но очень быстро, в конце того же 1771 года, на горизонте замаячила гораздо более серьезная шайка, не собиравшаяся размениваться на мелочи и корябать поодиночке ассигнации государственной работы. Речь уже шла о выпуске исключительно своих, что было откровенной конкуренцией с государством – а такого ни одно государство терпеть не может...

Однако давайте по порядку.

Жили-были в России два родных брата, отставной капитан Сергей Пушкин и его старший брат Михаил, коллежский советник (штатский чин, приравненный к полковнику), состоявший советником Мануфактур-коллегии. (Дальние родственники нашего великого поэта, увы, в семье не без урода.) Именно к ним и заявился приехавший в Россию ловить удачу подданный прекрасной Франции Луи Бротарь и без всякой дипломатии поинтересовался: месье, разбогатеть хотите? Быстро и резко?

Оба братца хотели, и еще как. Тогда француз предложил не особенно и хитрый план: не возиться с исправлением государственных денег в сторону увеличения номинала, а заказать за границей «ассигнационные штемпели» (то есть клише), украдкой ввезти их в Россию, напечатать ровным счетом 300 тысяч рублей, а потом, не зарываясь, свернуть предприятие.

Братья, что характерно, согласились без малейших колебаний. (Между прочим, к тому времени они должны были иметь определенную репутацию, позволяющую думать, что особенно ломаться они не станут, – не зашел же Бротарь наугад в первый попавшийся дом? Так и в полицию загреметь недолго. Что-то он о них должен был знать заранее...)

Уже самостоятельно братья завербовали вице-директора Мануфактур-коллегии с интересной фамилией Сукин (он и не особенно-то сопротивлялся, честно говоря). Зачем им Сукин понадобился? Вообще-то версия у меня есть: поскольку этот тип (по нынешним меркам замминистра) имел доступ к казне своего ведомства, то скорее всего ему и предстояло выгребать оттуда пачками настоящие деньги, подменяя их фальшивками. Так гораздо безопаснее, чем распространять самим по ассигнации...

В общем, пайщики-концессионеры решили не зарываться: нашлепать ровно триста тысяч, а потом уехать в Швейцарию, купить там особнячки и зажечь панамы. Если жить относительно скромно, не купать певичек в шампанском и не болтаться по игорным домам что ни день, таких денег должно было хватить надолго. (Ну, а в случае нужды клише ведь оставалось под рукой...)

Бротарь быстренько отправился в голландский город Амстердам, где имелись мастера на все руки (да и от России с ее жутковатой Тайной канцелярией, поменявшей название на Тайную экспедицию, но не ставшую от этого белой и пушистой, подальше).

Подходящего гравера, готового за хорошие деньги изобразить хоть черта в ступе, он подыскал быстро. И по каким-то своим причинам не стал давать ему в виде образца настоящие ассигнации, хотя и имел их с собой, – а решил отдать копии, которые заказал местному же художнику.

Вот мастер кисти оказался гораздо сообразительнее непритязательного гравера. То ли он немного соображал по-русски, то ли просто догадался, что к чему, и заказ имеет мало общего с изящными искусствами. И нахально потребовал взять его в долю – а то в Амстердаме полиция на каждом углу, только свистни...

Пришлось взять. Сергей Пушкин, к тому времени тоже приехавший в Амстердам «на лечение», изготовленное клише и типографские шрифты одобрил. Купил бричку, велел сделать в ней тайник, спрятал туда все причиндалы и отправился в Россию, исполненный самых радужных мечтаний...

Вот только на границе его вежливо, но твердо тормознули и объявили, что придется какое-то время задержаться: лично против господина капитана никто ничего не имеет, но, вот уж печальное совпадение, только что поступил новый циркуляр о борьбе с контрабандой, и всех приезжающих досматривают самым тщательным образом, без оглядки на чины и звания...

Отставного капитана сыскари взяли, как говорится, на понт. Не было никакого циркуляра. Просто-напросто господин Сукин давно уже предавался нешуточным душевным терзаниям. С угрызениями совести это не имело ничего общего: он попросту боялся запороться и прекрасно знал, что ему в этом случае светит. О своей роли в предстоящей негодии он, понятно, умолчал: с честнейшими глазами заявил властям, что о злодейских умыслах Пушкиных узнал чисто случайно, чуть ли не у двери подслушал, а потому считает своим гражданским долгом...

Его пока что оставили на свободе, о злоумышленных братьях моментально донесли Екатерине, и она лично стала руководить операцией. Бричку Пушкина моментально разобрали на мелкие винтики – как говорилось в одном знаменитом фильме, «что один человек сделал, другой всегда разломать сможет». Естественно, обнаружили и тайник, и его интересное содержимое. Пушкин наверняка кричал, что знать ничего не знает, а бричку в таком вот виде и купил – но в дискуссии с ним вступать не стали, все и так было ясно: отправили под конвоем в Петропавловскую крепость, куда быстренько определили и Михаила. Вскоре там же оказался и Сукин, наивно надеявшийся отсидеться в сторонке, – братья моментально заложили, узнав, по чьей милости оказались на нарах...

Поскольку именно Сергей Пушкин и был признан самым деятельным членом «международного преступного сообщества», с ним и поступили круче всех: лишили чинов и дворянства, поставили на лоб клеймо «В» (вор) и отправили на вечное заключение в один из острогов

Астраханской губернии. С Михаилом обошлись чуточку гуманнее: клеймить не клеймили, но чинов и дворянства лишили тоже и отправили на вечную ссылку в Енисейск. Имения и все прочее, движимое и недвижимое, конфисковали у обоих и передали ближайшим наследникам. Мало того, обоих лишили и фамилии, повелев их впредь именовать в официальных бумагах «бывшими Пушкиными».

(Вообще-то это была старая практика, еще времен Анны Иоанновны – отправленным в Сибирь или другие места «навечно», как правило, меняли фамилии (так что потом, когда наступила амнистия, многих так никогда и не удалось отыскать). После падения Бирона его было велено именовать «Бирингом», а в документах появилась формулировка «бывший дом бывшего Бирона»).

Сукин дворянином не был, а потому и лишать его оказалось нечего – но все чины с него сняли и отослали на вечное поселение в Оренбургскую губернию – в те времена жуткая глухомань. Екатерина велела достать и француза Брольи. Что было проделано очень быстро: русские разведчики, работавшие в Амстердаме под дипломатическим прикрытием, сцапали его чуть ли не на улице и переправили в Россию. С французом и вовсе не церемонились: как следует отодрали кнутом, заклеямили, вырезали ноздри и сослали на «вечные работы» в Нерчинские заводы, где он и сгинул. Французы, хотя и прослышали об этом, никаких нот протеста предъявлять не стали: у них самих подобных аферистов и по тюрьмам сидело, и на свободе разгуливало немерено, так что французская полиция отнюдь не печалилась оттого, что русские их от очередного избавили. Надо полагать, вовсе даже наоборот.

Кончилось все тем, что Екатерина велела изъять из обращения 75-рублевые ассигнации (с тех пор в России кредиток с таким номиналом больше и не выпускалось). Как легко догадаться, саму по себе подделку бумажных денег это не особенно и затронуло – продолжалась распрекрасным образом. Некий француз Шпаниоле (снова эти французы!) заказал себе в Амстердаме инструменты и клише (снова этот Амстердам!) – но в Россию благоразумно не поехал, обосновался в германском Любеке и принялся там печатать двадцатипятирублевки. Но трудился недолго – вскоре на него вышла русская разведка, и по ее наводке полиция Любека предприимчивого француза замела вместе с его домашней «фабрикой» в 1776 году. Не исключено, что именно из-за этого случая в 1777 году старые ассигнации в 25 рублей были изъяты из обращения и введены другие, нового образца, имевшие гораздо лучшую степень защиты.

А шесть лет спустя нешуточный скандал приключился в имении бывшего фаворита Екатерины графа Семена Зорича. Фаворитом он пробыл год с небольшим, после чего получил отставку, вероятнее всего, из-за невеликого ума. Судя по всему, что о нем известно, это был этакий поручик Ржевский – не из анекдотов, а из знаменитого фильма «Гусарская баллада»: воевал храбро, но более никакими достоинствами не обладал, так что к государственным делам был полностью непригоден. Екатерина ему на прощанье подарила не просто имение – городок Шклов. Где бывший бравый вояка вел самый что ни на есть примитивный образ жизни: развлекался балами-фейерверками да вдобавок завел такую карточную игру, какой, по отзывам современников, ни раньше, ни потом не видели. Естественно, вокруг безобидного гуляки тучами вились всевозможные прихлебатели, шулера и авантюристы. Двое из таких, братья из Далмации, Аннибал и Марко Зановичи, не придумали ничего лучшего, кроме как печатать фальшивые ассигнации прямо в графском имении. Когда их прямо там же сгребла полиция, «вещественных доказательств», то есть готовых к употреблению фальшивых денег, было найдено 80 тысяч рублей.

Вообще, от бумажных денег не получилось ожидаемой выгоды. Прежде всего оттого, что в стране совершенно официально действовали две денежные системы: «серебро» и «ассигнации». Точнее говоря, серебряный рубль, равный ста серебряным копейкам (обеспеченный запасами казенного серебра), и рубль ассигнациями, равный ста медным копейкам и, в общем, не обеспеченный ничем, кроме императорских манифестов. Практически всегда в объявляе-

ниях о продаже в лавках цена указывалась и в «серебре», и в «ассигнациях». Ассигнации, как нетрудно догадаться, падали и падали в цене. В 1800 году за рубль ассигнациями давали 55 копеек серебром, а в 1812-м, накануне вторжения Наполеона, – уже 35. Кстати, как раз вторжение Наполеона и повлияло на дальнейшее падение курса ассигнаций...

Уже в середине XVIII века додумались до экономической войны путем массовой подделки денег противника и запуска их в оборот. За чем стояли уже не частные лица, а государственные спецслужбы. Начало положил прусский король Фридрих Великий – действительно великий полководец, но человек, что уж там, не отягощенный особенными моральными принципами (ну, должность такая). Отыскав трех подходящих авантюристов, он поручил им чеканить талеры своего основного стратегического противника – Австрии. Ребята старались на славу. Серебра в их «продукции», в отличие от оригиналов, было чуть да маленько – но выглядели денежки убедительно, по виду отличить было трудновато. К тому же на них ставили старые годы выпуска, а блеск сводили особым составом.

Чуть позже этим же занялся и Наполеон Бонапарт. Его мастера печатали уже бумажные английские фунты, но главный упор перед вторжением в Россию сделали на русские рубли. Опять-таки чтобы ассигнации не выглядели новехонькими, их старательно старили: целыми охапками гоняли метлами по полу, щедро посыпанному пылью.

До сих пор неизвестно точно, сколько фальшивых ассигнаций наполеоновские войска приперли в Россию: по одним данным, сто миллионов, по другим – и вовсе двести. Так что французы направо и налево разыгрывали из себя людей благородных, которые ничего не отнимают даром: за продукты, фураж для коней и прочее всегда щедро расплачиваются – сколько из кармана выгребут.

Правда, иногда случались и накладки – иные «денежных дел мастера» халтурили, полагая, должно быть, что в варварской России все прокатит. Попадаются купюры «парижской работы», на которых красуется: «обмАнывается на серебро», «хОЛячею монетою» и тому подобные ляпсусы, продиктованные явно плохим знанием русского языка. Порой на большом количестве ассигнаций красовались одни и те же серия и номер (что не так уж редко подмечали русские мужички, отнюдь не такие уж темные в денежных вопросах, – и порой критиковали распространителей этакой халтуры цепами и вилами...).

Однако это касалось лишь части фальшивок. Хватало и других, изготовленных с таким прилежанием, что тогдашними методами их было просто невозможно отличить от настоящих. Когда после изгнания Наполеона русские финансисты по горячим следам попытались изъять фальшивки, выяснилось, что опознать все попросту невозможно, очень уж хорошая работа. А потому определенное количество «парижских денежек» так и обращалось по России вплоть до денежной реформы министра финансов графа Канкрин в 1849 году, когда были изъяты абсолютно все купюры прошлых царствований и заменены кредитками нового образца.

Но до того немалое число оставшихся в обороте «наполеоновок» лишь задирало курс серебра к ассигнациям. Так что рубль серебром стоил уже более трех ассигнаций. И это еще не все. Курс ассигнаций к серебру не просто постоянно колебался – таких курсов официально существовало несколько. Вексельный – по которому ассигнации принимались государственными учреждениями. Простонародный – для всевозможных сделок между собой частных лиц внутри страны. Причем именно «простонародный» курс, в отличие «от вексельного», в разных областях России был разным. В Одессе, например, за рубль серебром давали 3.50 ассигнациями, а вот в Курске – уже 4.20. Что, ежу понятно, давало великолепные возможности для разных афер – купил в Одессе на тыщонку серебром ассигнаций, продал их в Курске – вот тебе и семьсот рубликов чистой прибыли...

Безусловно, стоит рассказать и об очень интересном времени, когда в роли фальшивомонетчика выступали не отдельные антиобщественные личности, а сама Российская империя.

В первой половине XVIII века золотую монету чеканили во многих странах, но как-то так исторически сложилось, что «общевропейским платежным средством», тогдашним евро, стал отчего-то именно голландский золотой дукат. Весом всего-то в три с половиной грамма, монеты иных держав были и поувесистее, но так уж сложилось...

В последние годы царствования Анны Иоанновны России пришлось нести расходы, и немалые, по разным заграничным платежам. В первую очередь это касалось снабжения армии, самым активным образом действовавшей в Польше, – многое было выгоднее покупать на месте, чем тащить в обозах из России. Фельдмаршал Миних, действуя против турок и в Крыму, и в Молдавии, платить за то, что требуется армии, как-то не имел обыкновения (платить живые деньги «бусурманам»? Да пусть спасибо скажут, что живы остались!). А вот в Польше платить приходилось сплошь и рядом – речь шла не только о военных расходах, но и о «субсидиях» очередному промосковскому кандидату на польский трон (в этой роли как-то традиционно выступали саксонские короли). А промосковский кандидат серебром, стервец, не брал, хотел золота. Как и паны из польского сейма, с милой непринужденностью готовы запродаться кому угодно, лишь бы сумма прописью была достойна ясновельможного пана. Ну, и прочие расходы...

Причем все требовали в первую очередь «твердой валюты» – тех самых голландских дукатов. При некотором напряжении ума и логики вывод напрашивался сам собой...

Ага, вот именно. В 1738 году (автор идеи, светлая голова, остался неизвестным) в России стали чеканить голландский дукат в немалых количествах, раздобывая золото по всей Европе, где только удавалось, пуская на производство дуката в том числе и иностранные золотые монеты. Дукат российского производства по весу и пробе золота в точности соответствовал оригиналу, а поскольку чеканился на государственном монетном дворе, качество было высокое, и распознать подделку в то время было практически невозможно. Вот ею и расплачивались за границей, когда возникала такая нужда. Разве что время от времени меняли годы выпуска на более современные – очень уж долго продолжалась эта операция. Одновременно эти дукаты имели хождение и в России, где их почему-то прозвали «арапчиками» или «лобанчиками», хотя при ближайшем рассмотрении понятно, что рыцарь в латах как-то и не особенно похож на «арапа». Ну, так уж прозвали...

В оправдание Российской империи можно привести один-единственный, но весомый аргумент: российская деятельность на этом скользком поприще, идущем вразрез с тогдашним международным правом, вовсе не была чем-то уникальным. В Европе голландские дукаты не чеканил разве что самый ленивый – или не располагавший нужным количеством золота...

Поскольку денежное производство требует особо строгой отчетности, таковая, разумеется, велась – но приличия ради дукат в документах русского монетного двора уклончиво именовали «известная монета».

Продолжалось это достаточно долго, голландцы в конце концов догадались, где собака зарыта, но в ответ на все их ноты протеста заинтересованные лица (то есть большинство европейских государств) с выражением крайнего простодушия отвечали: знать ни о чем не знают, ведать не ведают, и вообще, у них приличная страна, а не шалман какой-нибудь... Как ни злились голландцы, прямых улик не было.

В общем, «известную монету» чеканили в России (иногда с перерывами на несколько лет) с 1738 по 1868 год. Продолжать далее было очень уж неприлично, да и европейские страны одна за другой прекращали этот интересный промысел. Ну, и голландцы одолевали нотами, талдыча о злом нарушении международного права.

В конце концов большую часть дукатов перечеканили в российскую золотую монету – но какое-то их количество еще некоторое время ходило в России. В повести А. П. Чехова «Степь» (1888 год) можно прочесть: «Купец им на радостях три сотенных пожертвовал, а мне

пять лобанчиков дал». Следовательно, в те времена «лобанчики» еще ходили. Их, кстати, за эти сто тридцать лет было отчеканено ни много ни мало – двадцать два с половиной миллиона.

По той же старой доброй традиции во время очередной русско-турецкой войны 1809–1811 годов в России чеканили золотые турецкие пиастры – опять-таки неотличимые по весу и пробе. Ну, а американцы чуть раньше забавлялись с испанской золотой и серебряной монетой, ходившей в Вест-Индии. Номинал у тех и других был примерно тот же, а вот по весу испанские превосходили американские. Так что янки в больших количествах ввозили к себе вест-индские деньги и с большой для себя выгодой перечекивали их на доллары...

Напоследок можно упомянуть о давнем историческом курьезе. В 1863 году купчина Перевалов, владелец фарфорового завода в Иркутске, стал выплачивать своим рабочим жалование деньгами собственного производства. Ну, предположим, это были не деньги, а то, что в нумизматике именуется «боны»: разноцветные кружочки с надписью «Фабрики И. Д. Перевалова». Разные цвета требовались оттого, что большая часть рабочих была неграмотной. Пятикопеечная «деньга» была красного цвета, трехкопеечная – зеленого, двухкопеечная – синего.

Смысл? Самый житейский. Этими «деньгами» рабочие только и могли расплачиваться за всевозможные товары в принадлежащих купцу лавках – а в «чужие» пойти не могли за отсутствием настоящих денег. Выгода для купца получалась солидная: «живые» деньги оставались при нем, фарфора у него было хоть завались, да к тому же на любой товар в лавках можно было установить «накрутку», какую только душа пожелает. Рабочие, конечно, встретили эти нововведения без всякого энтузиазма, но в Сибири-мамушке с ее известной поговоркой насчет закона и прокурора и не такое прокатывало (ну, а купец наверняка отстегивал кому надо уже настоящими деньгами, чтобы закрывали глаза). Купец развлекался таким образом семь лет – но в 1870 году известия о сибирских забавах дошли до столицы, купца строго предупредили о недопущении впредь, а для надежности издали особый указ о запрещении изготавливать какие бы то ни было денежные суррогаты...

Еще один курьез. Чуть ли не за четверть века до Наполеона шведский король Густав собрался в 1788 году войной на Россию. Идти войску предстояло через финские территории, там же закупать фураж и продовольствие. Кто-то подсказал королю, что финны шведские кроны не особенно и берут. Король, не раздумывая, велел в таком случае печатать фальшивые русские медные пятаки.

Его специалисты на монетном дворе постарались на совесть. Фальшивый пятак, выполненный с большим искусством, прямо-таки невозможно было отличить от настоящего...

За исключением одной-единственной детали, погубившей всю задумку. Шведские мастера копировать умели отлично, но вот в русской геральдике оказались несильны. И потому двуглавый орел на фальшивом пятаке оказался коронован не российской императорской короной, а королевской шведской. Различия меж ними достаточно велики. Естественно, подделки обнаружили очень быстро и изъяли из обращения...

Глава третья. Сыщики и воры

Как уже писалось, Петр в 1701 году распустил Сыскной приказ – что борьбе с преступностью отнюдь не способствовало. А она расцвела пышным цветом, прямо-таки массово пополняясь кадрами: в воры-разбойники уходили и дезертиры из армии, и доведенные до отчаяния ворохом новых налогов крестьяне, и прочие «тягловые люди» (то есть налогоплательщики), и те, кто не хотел угодить на очередную «великую стройку», откуда порой было мало шансов вернуться живым. Да что там, доходило до того, что небогатые дворяне записывались в крестьяне, а то и запродавались в холопы – подальше от сложностей жизни.

В отчаянных прямо-таки попытках хоть как-то наладить дело Петр решил положиться главным образом на армию – организованная вооруженная сила, к тому же многие и офицеры, и рядовые гвардейцы подчинялись лично ему.

Если называть вещи своими именами, Петр был первым (и, слава Богу, последним) русским самодержцем, который оккупировал собственную страну. Именно так, без всяких натяжек. Произвел «раскладку полков на землю» – то есть по всей стране, во всех провинциях разместил воинские части, которые население обязано было полностью содержать. Главной задачей был сбор «подушной подати», то есть налогов, в отличие от прошлых времен взимавшихся не с подворья, а с каждой живой души мужского пола.

Сборы эти планировались, как военные операции, регулярно: два месяца воинские команды колесят по «подведомственной территории», собирая подати и недоимки, потом следует перерыв на два месяца, а там все повторяется. В Казанской губернии менее чем через два года такого хозяйствования при очередной «ревизии» (переписи населения) недосчитались 13 тысяч душ – то есть более половины числившихся по бумагам налогоплательщиков. Народ попросту разбежался кто куда, благо возможностей хватало: и на Дон, и в Дикое поле, и даже «к башкирцам на ничьи земли»...

Попутно расквартированный в той или иной провинции полк брал на себя и массу других функций, в общем-то к военному делу никак не относившихся: ловили воров, разбойников и беглых крестьян, удерживали от побегов тех, кто еще сбежать не успел, боролись с контрабандой и незаконным винокурением, с незаконными порубками леса, а главное – осуществляли неустанный надзор за гражданской администрацией, сплошь и рядом не заморачиваясь существующими законами. Коломенского бургомистра проезжий генерал Салтыков «бил смертным боем». Но бедняге, можно сказать, еще повезло: псковского бургомистра рядовые пьяные солдаты исколошматили так, что он умер, а члена ратуши застрелили. По всей Руси Великой носились особо доверенные гвардейцы, чтобы присматривать за губернаторами и прочими высшими канцеляристами провинции, не допускать волокиты в делах и со сбором налогов. В Твери тамошнего воеводу и нескольких других высших чиновников держали в цепях по распоряжению рядового (!) гвардейского солдата. Не где-нибудь, а в Москве опять-таки рядовой солдат Преображенского полка Пустошкин прямо-таки на рабочем месте посадил на цепь тамошнего вице-губернатора Войекова, имевшего, между прочим, воинский чин бригадира (по тогдашним уставам, средний между полковником и генералом), а потом присовокупил к нему большую часть канцелярии. Так и работали во главе с бригадиром – сидя на цепи.

Да что там бригадир... К одному из виднейших русских военачальников того времени графу Шереметеву, первому кавалеру ордена Андрея Первозванного, прислали в качестве «смотрящего» гвардии сержанта Щепотьева. С именным повелением Петра, где говорилось, что сержанту «велено быть при вас некоторое время и что он будет вам доносить, извольте чинить». Фельдмаршал, отданный под команду гвардейскому сержанту, – это уже нечто сюрреалистическое... Сохранились жалобные письма Шереметева своему свату Головину о том, что Щепотьев приказывает фельдмаршалу «во всем его слушать». А попутно развлекается на всю

катушку, пьянствуя и днем, и ночью, пуская ракеты: «опасно, чтоб города не выжег». Головин посочувствовал письменно, но сделать ничего не мог...

В мае 1718 года в русских документах впервые появляется слово «полиция». До этого полицейскими функциями (наряду со многими другими) занимались исключительно воеводы – и оттого, что этих функций, самых разнообразных, было слишком много, до криминала руки не всегда и доходили... В первую очередь воеводы озабочивались проверкой паспортов – паспортную систему в России ввел как раз Петр I: теперь всякий, выезжавший из места своего постоянного жительства, обязан был иметь паспорт. Говоря по-современному, воеводы следили и за «пропиской в режимных городах», какими считались Москва и Петербург: «И чтобы приезжие люди являлись к нему (воеводе. – А. Б.) и записывались в приказной избе, а не являсь и не записываясь, никто бы у кого не жил». Были и прямые указания бороться с преступностью: «А буде какие люди учнут красть и разбивать и иным каким воровством воровать, велеть таких людей имать и расспрашивать, и про них сыскивать, и учинить им по Соборному Уложению, кто чего доведется». Как и в прежние, допетровские времена, предписывалось держать караулы «в дни и ночи беспрестанно, пресекать всевозможные нарушения общественного порядка, не позволять ночную торговлю водкой, игру в кости, топить ночами, вообще с наступлением темноты с огнем не сидеть и не ходить». Однако при этом на воеводских приказных избах лежало еще множество обязанностей, уже не имевших никакого отношения к криминалу: заботиться о благоустройстве города, мостить улицы, разрабатывать меры борьбы с пожарами (создавая такие «добровольные пожарные дружины» и снабжая их всем необходимым инвентарем).

Создание в 1718 году Санкт-Петербургской полицмейстерской канцелярии (а в 1722 году и Московской) частью «разгрузило» воевод. Но особых прорывов все же не произошло. Во-первых, в бумагах Кабинета министров сохранилась масса жалоб на прямо-таки катастрофическую нехватку кадров. Если не считать чисто канцелярских служащих, «оперативный состав» состоял из постоянного (полицмейстер, 3 капитана и 3 поручика) и «переменного» состава (ежегодно менявшиеся 6 унтер-офицеров, 16 капралов и 120 рядовых Санкт-Петербургского гарнизона). По старой армейской привычке старшие офицеры, от которых зависело откомандирование в Канцелярию офицеров, старались в первую очередь избавиться от самых худших. А потому встречаются жалобы, что командиры, особенно Санкт-Петербургского и Рижского гарнизонов, отправляют служить в Канцелярию вообще (!) неграмотных офицеров (видимо, выслужившихся из рядовых, что при Петре было не редкостью), да вдобавок «отставленных из полков за шумство». Одним словом, на тебе, Боже, что нам негоже... С чисто канцелярским народом обстояло не лучше: «Которые при главной полиции подьячий обретаются и из тех большая часть, за пьянством и неприлежностью весьма неисправны». Жалобы на «кадровый голод» встречаются и двадцать лет спустя. Во-вторых, на Канцелярию ввалили массу дел, собственно, никакого отношения к полицейской службе и не имевших: вести работы по благоустройству улиц, чистить Неву и каналы, заботиться об освещении улиц, о доброкачественности привозимых в Петербург съестных припасов, надзирать, чтобы извозчики и вообще экипажи не носились сломя голову – а порой и выставлять весной и осенью караулы по берегам Большой и Малой Невы, чтобы не пропускать беспечных прохожих, сплошь и рядом проваливавшихся под подтаявший лед, и не обязательно в пьяном состоянии.

Естественно, ни о какой «оперативно-разыскной работе» в таких условиях говорить не приходилось. Тут уж кто попался, тот и попался, а кому повезло – растаял в безвестности. Да и разыскники из помянутых неграмотных офицеров, отставленных из своих полков за всевозможные буйства, явно талантами к этому ремеслу не блистали.

Порой для борьбы с воровством и грабежом применялись довольно оригинальные методы. Случалось, что убежавший вор-разбойник сбрасывал улики, то есть украденное. Если в полицию приносили неизвестно кому принадлежащие вещи, о них с барабанным боем объявлялось на площадях, а то и в присутственных местах вывешивались бумаги о находках.

Известен и вовсе уж курьезный случай, случившийся гораздо позже, в царствование Анны Иоанновны (1735 год). Ее известный шут Балакирев был печально славен за пределами даже по меркам того времени пьянством. В один прекрасный день появившиеся на улице полицейские барабанщики громогласно объявили: впредь петербургским обывателям запрещается как посещать Балакирева, так и принимать его у себя. Чуть позже это распоряжение отменили, но с уточнением: и принимая у себя Балакирева, и приходя к нему в гости, не пить с ним ни капли. Веселая у человека была репутация...

Как водится, денег в казне катастрофически не хватало, в том числе и на полицию. Красноречивый отрывок из донесения генерал-полицмейстера Девьера в Сенат от 1723 года: «А вышеупомянутые унтер-офицеры, капралы и рядовые мундиру не получали с 1718 году, а ружья и амуниции с 1715 году, которые в оном претерпевают немалую нужду и за босотою и наготою на работы не выходят, а за неимением амуниции на караулы не ходят». Какая уж тут борьба с преступностью, если у сотрудников канцелярии нет даже «башмаков, чулок, рубах с порты, галстухов»...

И это при том, что Девьер был человеком не случайным и никак не малоизвестным. Антон Мануилович Девьер, приехавший когда-то в Россию из Голландии, стал царским денщиком, дослужился до генеральских чинов, около двадцати лет был любимцем Петра, вообще «своим человеком» в царском семействе – воспитатель царевен Натальи Алексеевны и Натальи Петровны, царевича Петра Алексеевича...

Нужно заметить, что наказания за всевозможные правонарушения Петром введены были строгие, и Девьер выполнял их со всем усердием. Даже по меркам того времени порой было крутовато: за необъявление о приезжающих и отъезжающих – битие кнутом и ссылка на каторгу; за вывоз в Неву и каналы всевозможных нечистот – кнут и вечные каторжные работы; извозчикам за езду на невзнузданных лошадях и «сбивание с ног прохожих» – в первый раз кошки (девятихвостая плетка, особенно большое распространение имевшая на флоте), во второй раз – кнут, в третий – вечная каторга; за продажу недоброкачественных съестных припасов – в первый раз кнут, во второй – каторга, а иногда и смертная казнь; за допущение в своих домах азартных игр и пьянства – кнут и ссылка на каторгу; караульщикам у «рогаток» (шлагбаумов, в ночное время перегораживавших улицы) за невыход на помощь при крике «Караул!» – смертная казнь; просящим милостыню – в первый раз батоги, во второй – кнут и каторга; за пение песен на улицах – батоги. За побег из Петербурга или хотя бы попытку к нему насильственно доставленных туда ремесленников и мастеровых – батоги, кошки, кнуты, каторга, а порой и смертная казнь. Гуманизмом, одним словом, не страдали. Правда, в патриархальной Москве было все же чуточку полегче...

Ну, а потом Санкт-Петербургская полиция получила удар, можно сказать, по самой верхушке. Несмотря на все свои чины и звания и многолетнее пребывание в «ближнем кругу» Петра, Девьер и в разряд государственных деятелей не вышел, и своим человеком в высшем обществе не стал. Чтобы хоть как-то укрепить свое положение в «высших сферах», он решил найти подходящую невесту. Он прекрасно понимал, что никто из старинной русской знати не отдаст за него дочь (как за человека происхождения самого «подлого»), а потому собрался жениться на Анне Даниловне, родной сестре Меншикова (тоже неспособного похвастать знатностью происхождения). Как-то ему удалось очень быстро девицу обаять, и Девьер, заручившись ее согласием, по всем правилам попросил ее руки у Меншикова. Меншикову такой зять (без капиталов и положения в обществе) показался совершенно ни к чему: в полном соответствии с незатейливыми нравами той эпохи Данилыч собственноручно отвесил генерал-полицмейстеру несколько пощечин, а потом кликнул своих гайдуков и велел «бить смертно». Те взялись за нагайки. Девьер с большим трудом вырвался и, весь в крови, бросился жаловаться Петру...

Петр разгневался не на шутку. Дубинкой он Меншикова на сей раз не колотил (а такое порой случалось), но настрого велел в трехдневный срок обвенчать Девьера с Анной Даниловной. Куда было Меншикову податься? Пришлось согласиться. Забегая вперед, скажу, что это предприятие Девьеру не принесло ни малейших выгод: влияния в придворных кругах женитьба ему не добавила, а вот в лице Меншикова он приобрел затаенного врага.

Пока был жив Петр, все шло гладко: Девьер старательно руководил столичной полицией, по мере возможности реорганизовывая ее на европейский лад. Даже после смерти Петра и вступления на престол Екатерины I дела у генерал-полицмейстера вроде бы шли неплохо: он получил чин генерал-лейтенанта, звание сенатора, орден Александра Невского и графский титул.

Но Меншиков умел ждать... Пришло время, и Екатерина заболела настолько серьезно, что стали всерьез думать о назначении наследника престола. Моментально сколотились придворные партии, начались интриги вокруг нескольких кандидатов. То ли кто-то наплел Меншикову, что Девьер противостоит его замыслам, то ли Меншиков увидел наконец момент разделаться с навязанным зятем. Как бы там ни было, он добился у императрицы указа о назначении следственной комиссии для суда над Девьером. Указ этот он составлял, несомненно, сам. И прописана там была, если подумать, откровенная ерунда: якобы Девьер, когда весь двор скорбел об ухудшении здоровья императрицы, наоборот, веселился и говорил племяннице императрицы, что плакать вовсе и не надо; якобы говорил то же самое и цесаревне Анне Петровне: мол, плакать не надо, лучше выпить бокальчик вина, якобы, встретив заплаканную цесаревну Елизавету, только смеялся, да вдобавок как-то не так шутил с цесаревичем касательно его будущей женитьбы.

Обвинения, согласитесь, какие-то несерьезные. Во всяком случае, слабоватые для того, чтобы судить довольно высокопоставленного сановника. Ну что же, Меншиков прекрасно знал самый надежный способ погубить соперника: подпустить политических обвинений (что прекрасно действовало не только в России). Он и подпустил, тут уж его учить было не нужно. Наплел уже плохо воспринимавшей реальность императрице, что негодяй Девьер вдобавок всячески интригует против планов Екатерины назначить наследником будущего Петра II и его женитьбы, мало того, сколотил партию единомышленников. Началось следствие, как легко догадаться в полном соответствии с традициями того времени: генерал-лейтенанта, графа и сенатора без всяких церемоний вздернули на дыбу. После двадцати пяти ударов кнутом он признал все обвинения и назвал «сообщников». Императрице тут же отправили доклад: «Преступники дерзали определять наследника российского престола по своему произволу и замыслили противиться сватанию великого князя, происходившему по высочайшей воле».

Буквально за несколько часов до смерти императрица подписала указ, по которому Девьера, лишив всех чинов, титула, орденов и званий, закатали в ссылку на край света – в Охотск. Заодно туда же отправили и близкого к нему чиновника Скорнякова-Писарева. Держали, правда, на свободе. Ну, а дальше началась не столь уж редкая в тогдашних российских условиях трагикомедия. В отдаленных уголках Российской империи крайне трудно было с «квалифицированными» кадрами.

(Да что там «отдаленные уголки», если примерно в то же время в Европейской части России выпустили из острога и отправили учительствовать экзemplяра, отсиджавшего срок за третье убийство. Можно представить дикую кадровую нехватку. Те, кто принял такое решение, рассуждали, должно быть, хозяйственно: человек образованный, учить детишек может как следует, а что до трех убийств – это, в конце концов, не политика, Боже упаси, а чистая бытовуха...)

В общем, сотоварищ Девьера по несчастью Скорняков-Писарев был назначен в Охотск сборщиком ясака – с юридической точки зрения оставаясь ссыльным, лишенным всех прав. И занимал эту хлебную должность около девяти лет. Потом, как случалось со многими, люто

заворовался. Тут только местное начальство вспомнило, что у них под рукой имеется целый генерал-полицмейстер, пусть и бывший. И Девьера бросили на «укрепление кадров». Точно так же оставаясь лишенным всех прав ссылкой, он арестовал Скорнякова-Писарева, упрятал его под замок, а сам стал сборщиком ясака и вдобавок управляющим тем поселком под Охотском, где обитал. Весело порой жили в Российской империи ссылки...

В далеком Петербурге тем временем дела с полицией обстояли не лучшим образом. Всем было попросту не до нее – то есть кого-то назначали, конечно, чиновничьи места, особенно высокие, не имеют обыкновения пустовать долго, – но особенного внимания полиции не уделяли. Хватало других забот: за влияние на юного императора Петра II ожесточенно боролись несколько придворных групп, проигравшие отправлялись в ссылку, а там император умер от оспы, началась катавасия вокруг возведения на престол Анны Иоанновны...

Почему-то Девьер задержался в ссылке на целых пятнадцать лет. Взойдя на престол, Анна многих вернула – но не его. Создается впечатление, что об опальном генерал-полицмейстере попросту забыли – не оказалось при дворе влиятельных заступников, способных замолвить словечко...

Вернула Девьера Елизавета Петровна, едва взойдя на престол. Не исключено, что они в свое время были в добрых отношениях – очень быстро Девьеру были возвращены прежние чины, ордена, имения, графский титул и даже должность генерал-полицмейстера. На которой он пробыл еще два с лишним года и даже получил очередной воинский чин генерал-аншефа (примерно соответствует нынешнему генералу армии). Однако, по воспоминаниям современников, это уже была скорее тень прежнего толкового служаки и весельчака. Пятнадцатилетняя ссылка его сломала, он уже был дряхлым и больным. Да вдобавок вокруг изменилось решительно все: новые лица, новые хитросплетения связей, новая придворная жизнь, нравы и обычаи... Девьер умер летом 1745 года – один из организаторов полицейской службы в России...

Ко времени восшествия на престол Анны Иоанновны уже стало совершенно ясно, что судебные и сыскные органы требуют нешуточных реформ. В 1728–1732 годах Петр II, а за ним и Анна Иоанновна резиденцию и двор держали в Москве. Естественно, вслед за коронованными особами в Первопрестольную перебралось большое количество дворян, от знатных до мелких, а также масса народа других сословий, от почтенных купцов до «портных с деревянной иглой». На какое-то время столичная жизнь сосредоточилась в Москве, а Петербург пришел в сущее запустение, – современники вспоминали даже, что улицы заросли травой, а зимой в город забегали волки...

Сенат докладывал императрице, что в этих условиях Московская губернская канцелярия не может справиться даже с водопадом чисто «административных» дел, не говоря уж об уголовных и судебных. И предложил проект создания двух новых учреждений, на которые можно возложить как гражданские, так и уголовные дела.

Через три месяца Анна Иоанновна подписала указ об учреждении Судного и Сыскаго приказов: первый должен был заниматься чисто гражданскими делами, второй – уголовными. Тем же указом четко разграничивались функции Московской полицмейстерской канцелярии и Судного приказа: канцелярия, говоря современным языком, выполняла оперативно-разыскные мероприятия, то есть искала, ловила и доставляла. Сыскаго приказ занимался следствием и судом (в те времена такое совмещение функций не было чем-то оригинальным не только в России).

С «жилищным фондом» в Москве в то время обстояло не так уж и благополучно: в свое время Петр бросил все силы на строительство Петербурга. Так что новоявленному предшественнику Московского уголовного розыска привередничать особо не приходилось, выбирали из того, что есть.

В конце концов подыскали несколько не особенно и больших зданий в Китай-городе, между Москворецкой улицей и Кремлевской стеной. Там и должны были разместиться канце-

лярии, «органы активного следствия» (то есть пыточные) и тюрьмы для всевозможных изловленных «татей». Современного читателя такое местоположение может и удивить, но в ту пору Москва выглядела совершенно иначе. Это сегодня мы привыкли видеть Красную площадь сурово-торжественной.

Во времена Анны Иоанновны Красная площадь, собственно говоря, была одним огромным, многолюдным базаром, с некоторыми чертами барахолки и «блошиного рынка». Практически сплошь она была покрыта беспорядочно построенными деревянными и кирпичными торговыми лавками, шалашами, навесами, где торговали товаром на любой кошелек: от немудреных съестных припасов и крестьянской одежды до драгоценных камней, золота и серебра. Была еще масса харчевен, кабаков и постоялых дворов, особенно сгрудившихся вокруг Собора Василия Блаженного. А в одном только Китай-городе вольготно разместились более ста «питейных погребов». Так что Сыскной приказ был со всех сторон зажат торговыми лавками, харчевнями, трактирами и домишками московских обывателей попроще. Из бревенчатого застенка, пристроенного прямо к Кремлевской стене, каждый день доносились вопли бедолаг, которых (за дело, впрочем) вздергивали на дыбу, пороли кнутом и гладили по спине горящими вениками, – но буквально в нескольких метрах располагалось немало кабаков, где москвичи преспокойно гулеванили, в общем, и не обращая внимания на столь неприятное соседство (таковы уж были нравы эпохи).

С современной точки зрения, Сыскной приказ занимал прямо-таки пятачок: 30 сажень в длину и 20 в ширину (сажень – примерно 2 м). И тем не менее там как-то умещались около шестисот заключенных, до 50 чиновников Сыскного приказа и около 120 караульных солдат и офицеров. Согласно незатейливым нравам той эпохи, окна некоторых тюремных камер (ну конечно, забранные надежными решетками) выходили прямо на улицу, и возле решеток все время толпились заключенные, просившие милостыню с «необыкновенным криком» и «угрозительными словами».

Ох, весело было на Красной площади в те патриархальные времена...

Уже при Елизавете Петровне, в 1741 году, Сыскной приказ попытался немного расшириться. Сержант Сыскного приказа Петр Даравновский (должно быть, молодой и оттого особенно ретивый) представил по начальству обширный доклад: буквально возле острога находится «каменная вотчина» купца второй гильдии Ивана Ивановича Попадьяина, которую он «умножил многим деревянным строением». Да вдобавок настелил крышу так, что она заходит на территорию острога, «от чего возымеется немалое опасение, чтоб из острогу колодники не учинили утечек». Да вдобавок тут же, впритык к острожным стенам, располагаются постоянные дворы и харчевни, где печи топят практически круглосуточно – а крыши там деревянные, так что и до пожара недалеко.

Все это было прекрасно известно едва ли не одиннадцать лет – с тех пор, как Сыскной приказ туда вселился. К тому же всего четыре года назад в Москве случился большой пожар, во время которого практически дочиستا выгорел Сыскной приказ, так что едва удалось вывести заключенных и спасти совсем немного дел. Но почему-то начальство раскачалось только после донесения сержанта... Судьи, князь Яков Кропоткин и Андрей Писарев, решили доставить беспокойного соседа в приказ. Должно быть, ради пущей насмешки (купец второй гильдии – мелкий торговец, невелика птица) они его обозвали в документе... Попадьею: «...купца Попадью в Сыскной приказ сыскать и против сего доношения допросить, чего ради он близ того острога от харчевни своей строение вновь без указа построил, и той харчевнею на показанном месте почему владеет?»

Получив этакую бумагу, купец Попадьяин, нежданно-негаданно для себя ставший «Попадьею», должно быть, крепко обиделся – и несколько месяцев в приказ не являлся. В конце концов послали парочку солдат с «сыскной памятью» (повесткой), по которой купцу предписывалось немедленно явиться в приказ. Но бравым солдатушкам пришлось отступить ни с чем:

купец забежал в рыбную лавку, где пребывало множество его коллег по ремеслу, и стал кричать что-то вроде:

– А вот зайдите да возьмите! Не пойду я с вами, ироды!

Солдаты отступили ни с чем, видя нешуточное численное превосходство противника. А через несколько дней Попадьян явился в Сыскной приказ самолично и вывалил перед судьями кучу надлежащим образом заверенных бумаг, подтверждающих его права на означенную землю до последнего квадратного сантиметра. Оказалось, он еще в 1720 году, когда никакого такого Сыскного приказа здесь и близко не было, купил эту землю вместе с каменными и деревянными строениями у Покровского монастыря за 70 рублей.

Почесав в затылках – все документы были доподлинными, а сутяжничать купец был готов, – судьи обратились в Сенат с предложением выкупить землю у Попадьяна за те же 70 рублей. Однако купец им ответил совершенно по-современному: мол, за двадцать лет московская земля изрядно подорожала, и больше ее не стало, разве что меньше. И выкатил свою сумму: 1236 рублей 50 копеек. Судьи собрали из московских купцов «независимую экспертизу» (наверняка тщательно проверив, чтобы среди экспертов не оказалось приятелей-субутильников Попадьяна). «Эксперты» пришли к выводу: конечно, насчет тысячи двухсот рублей Попадьян все же перегнул, но вот 700 рублей его подворье безусловно стоит: ну не дешевет московская земля, что поделать, в особенности на столь бойком месте...

В скудной казне Сыскного приказа лишних семиста рублей не нашлось. Так что законным образом с купцом ничего нельзя было поделать, и Сыскной приказ вынужден был терпеть такое соседство еще 11 лет, пока его не перевели на новое место, в Калужский житный двор (1752 год).

Еще одна откровенно комическая история, связанная со Сыскным приказом. В том же самом 1741 году, когда приказ тягался с упрямым Попадьяным, полицейские солдаты в одну ночь арестовали 14 воров и торговцев краденым – в притоне, долго располагавшемся буквально у стены Сыскного приказа. Что поделать: орлы из Сыскного приказа были следователями и судьями, а навыков оперативной работы не имели вовсе, отчего и проморгали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.